

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ИСТОРИИ СВОЕГО НАРОДА

Систематические академические исследования в области этнографии и филологии народов Дальнего Востока силами дальневосточных учёных начались в середине 50-х гг. XX в. и были тесно связаны с именем талантливого учёного Юрия Александровича Сема. Он не только положил начало регулярным полевым работам, определил основные направления исследований на многие годы вперёд, но и сформировал кадровый костяк этнографических подразделений. Одна из безусловных его заслуг как руководителя — привлечение к исследованиям представителей коренных малочисленных народов Дальнего Востока. Долгие годы в Институте истории ДВО РАН работали известные в нашей стране и за рубежом исследователи из числа коренных северян, нанайцы Н.Б. Киле и Е.А. Гаер, ительменка Н.К. Старкова, нивхинка Г.А. Отаина. Об их творческой судьбе, вкладе в дело изучения культуры и языка коренных народов Дальнего Востока и хотелось бы вспомнить в юбилейные для Института истории дни.

Все они принадлежали к поколению северян, в судьбе которых советская власть, как бы к ней сегодня не относились, сыграла определяющую роль. У чукотского писателя Юрия Рытхэу на этот счёт есть строчки, очень точно характеризующие судьбу этого поколения: «Маленький мальчик моего детства, выходя из своей яранги и направляясь в школу, каждое утро перешагивал через тысячелетия, не задумываясь об этом. Вечером он возвращался назад, в привычный уклад жизни. Его родственники, устроившись на моржовой коже между разложенными книжками и тетрадами, опускали рукав плаща в сосуд с морской водой: так они гадали о течениях в проливе, о стадах моржей, идущих на лежбище. Они просили у богов помощи в житейских делах, в охотничьем промысле. Кто-то бормотал заклинания, а в это время мальчик читал вслух стихи Пушкина, Лермонтова, Маяковского. Но порою его отвлекали от книги, чтобы помазать лоб жертвенной кровью»*.

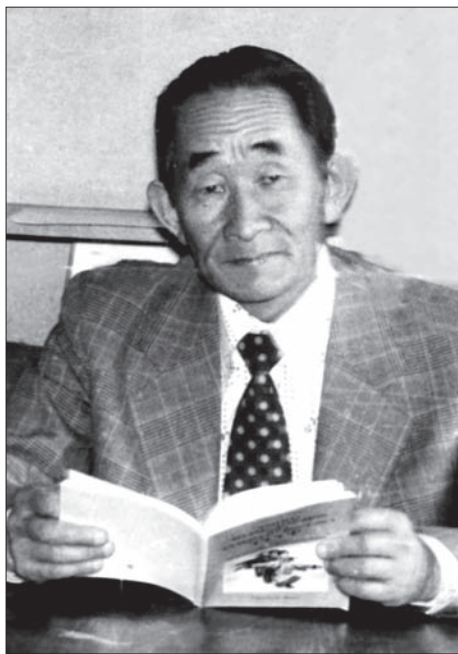
Именно из таких мальчиков и девочек и выросли известные писатели, учёные, художники, артисты. Им, безусловно, очень повезло. У них были удивительные учителя — известные на весь мир учёные В.Г. Богораз, Е.А. Крейнович, В.И. Штернберг, В.А. Аврорин, И.С. Вдовин и др. Большинство из них учились в одном высшем учебном заведении — Ленинградском государственном педагогическом институте им. А.И. Герцена. У скольких северян встретишь в личных делах упоминание об этом вузе. Скольким поколениям студентов из числа коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока дал он путёвку в большую жизнь! Но дело не только в этом. Я глубоко убеждён, что человек без корней, оторванный от культуры своего народа, не может состояться как личность. И судьба

---

* Рытхэу Ю. Под сенью волшебной горы. Л., 1974. С. 112.

моих коллег, представителей коренных народов Дальнего Востока, — лучшее подтверждение этой истины. Традиционная культура и язык, впитанные ими с молоком матери, стали для них той питательной средой, на которой только и могут произрастать подлинно творческие люди.

Николай Батунович Киле (1925—1999), участник разгрома Квантунской армии Японии в Маньчжурии, разведчик, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, блестящий лингвист, фольклорист, этнограф, историк религии, занимавшийся исследованием самых сокровенных сторон лексической и морфологической систем тунгусо-маньчжурских языков.

Н. Б. Киле

Н. Б. Киле родился в старинном нанайском стойбище Болонь и до 17 лет носил совсем другое имя — Боччори («неприглядный»). У нанайцев издавна бытовал обычай давать детям некрасивые имена. Считалось, что в таком случае злые духи не будут проявлять к ним нездорового интереса и это обеспечит ребёнку удачу в жизни. Трудно сказать, сыграло ли свою роль это старинное нанайское поверье или причиной тому стали совсем другие обстоятельства, но удача действительно сопутствовала Н. Б. Киле всю жизнь. Она сохранила ему жизнь в годы войны,

участником которой он был, она же привела его в студенческую аудиторию, а потом и в научную лабораторию, сделала учёным — известным в стране и за рубежом специалистом по проблемам истории и развития нанайского языка.

Перу Н. Б. Киле принадлежит несколько десятков интереснейших работ по архаичной лексике, связанной с религиозными представлениями нанайцев, ульчей и других народов Амура, что даёт богатую пищу для этнографов и историков религии, а также исследования по самобытной нанайской антропонимии. Практически все работы Н. Б. Киле в этой области по праву считаются пионерными, но особенно широкую известность принесла ему монография, посвящённая семантической, морфологической, фонетической и синтаксической характеристике такого своеобразного раздела нанайской лексики, как образные (изобразительные) слова*.

Как вспоминал потом Н. Б. Киле, всё началось с русской книги, которую он, будучи ещё студентом, однажды читал. На одной из её страниц

* Киле Н. Б. Образные слова нанайского языка. Л.: Наука, 1973. 188 с.

встретилось ему слово «ба-бах!». Речь шла о выстреле из ружья. Киле попытался перевести слово на родной язык и с удивлением обнаружил, что затрудняется это сделать. Помехой была, казалась бы, совсем не существенная деталь — он не знал, из какого ружья был сделан выстрел. Если из дробовика, то слово следовало перевести как «туэнг» — звук гулкового выстрела. Если это был боевой карабин, подходило слово «тоас» — резкий, хлёсткий выстрел. Щёлкающий негромкий звук выстрела из малокалиберной винтовки требовал совершенно другого слова — «тионс».

Подобный оборот дела сильно озадачил Киле. Нанайские слова были образнее, они более точно передавали звуковой оттенок выстрела, делали его почти зримым, воспринимаемым на слух. Вначале Киле даже испугался своего открытия. «Как же так, — мучительно размышлял он, — язык великого Пушкина и вдруг уступает примитивному нанайскому слову «тоас»?»

Своими сомнениями он поделился со своим учителем В.А. Аврориным. Тот внимательно выслушал Киле и улыбнулся: «Понимаешь, Николай, каждый язык — отражение жизни народа. Жизнь нанайского охотника проходила в тайге, среди природы, среди множества её звуков. Каждый из них был исключительно важен для человека. От него зависела судьба промысла, охотничьей удачи, а нередко и всей жизни. Человек не смог бы выжить в единоборстве с природой, если бы не научился различать малейшие оттенки тех или иных явлений, а научившись это делать, он стал подражать им, ввёл их в свою речь, в свой язык. У русского человека не было необходимости в такой конкретности. Его язык более обобщённых понятий, отражающих более высокую ступень общественного развития. У твоего народа богатая и своеобразная история, и, чтобы понять её и по достоинству оценить, нужно хорошо знать свой язык, задумываться над ним. Впрочем, процесс этот взаимосвязан. Без языка нельзя постигнуть историю, как без истории нельзя понять и оценить красоту языка».

Таким было начало. Этой стороной лексики, интересной не только для лингвистов, но и для психологов и философов, занимающихся историей развития человеческого мышления, Н.Б. Киле продолжал интересоваться и позже, но теперь объектом исследований были другие тунгусо-маньчжурские языки — ульчский, негидальский, эвенкийский. В таких аспектах лексика тунгусо-маньчжурских языков никем никогда не исследовалась и Н.Б. Киле может по праву считаться пионером.

В совершенстве владея родным нанайским языком, как никто другой понимающий его красоту и образное богатство, Н.Б. Киле много делал для того, чтобы его родной язык продолжал жить и развиваться. Он автор учебников, учебных пособий и методических рекомендаций для национальных школ Дальнего Востока. За советами и консультациями к нему обращались учителя, художники, работники музеев, зарубежные специалисты, многочисленные коллеги и ученики. Для каждого он находил нужные слова, был неизменно доброжелателен. Участвуя в социолингвистическом исследовании нанайцев, ульчей и нивхов в 60-е гг., Киле собрал уникальные материалы по лингвистике, фольклору, ономастике амурских народов.

В последние годы жизни Н.Б. Киле много занимался систематизацией и обработкой фольклорного материала коренных малочисленных народов Амура. Он был одним из создателей уникальной всероссийской серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». В 1996 г. вышел из печати очередной том этой серии, подготовленный Н.Б. Киле, — первое в отечественной фольклористике сводное издание образцов прозаических жанров нанайского фольклора*. Ещё одна работа из этой серии — «Ульчский фольклор», к сожалению, осталась незавершённой.

Галина Александровна Отаина (1931—1995). Нивхинка по национальности, родилась в с. Маго Нижне-Амурского района Хабаровского края. После окончания Николаевского-на-Амуре педагогического училища была направлена на учёбу в Ленинград, с дипломом выпускницы пед-

Г.А. Отаина

института им. А.И. Герцена работала в школе, преподавала в педучилище г. Николаевска-на-Амуре. После аспирантуры при Институте языкознания АН СССР приехала во Владивосток в 1968 г., и с тех пор её жизнь была связана с Институтом истории. Здесь она стала крупным специалистом в области языка, фольклора и культуры своего народа, хорошо известным не только в нашей стране, но и за рубежом. Её работы публиковались в Японии, США, Англии, Польше.

Мы были с Г.А. Отаиной коллегами почти 20 лет: совместные с ней публикации, совместные экспедиции, я имел возмож-

ность наблюдать её и как талантливую исследователя и просто как хорошего человека. Радость общения с ней на протяжении многих лет — одно из ярких воспоминаний о нашей совместной научной деятельности.

Галина Александровна любила свой народ, хорошо понимала его сильные и слабые стороны и много делала для того, чтобы сохранить его язык и культуру. Важнейшим результатом научной работы Г.А. Отаиной кроме её лингвистических исследований** стали записанные в разные годы уникальные фольклорные тексты нивхов, изданные уже после её смерти***.

* Нанайский фольклор: нингман, сioxор, тэлунгу /сост. Н.Б. Киле; отв. ред. Е.П. Лебедева, Л.Е. Фетисова. Новосибирск: Наука, 1996. 474 с.

** Отаина Г.А. Качественные глаголы в нивхском языке. М.: Наука, 1978. 127 с.

*** Нивхские мифы и сказки из архива Г.А. Отаиной /отв. ред. А.М. Певнов. М.: Энерджи Пресс, 2010. 160 с.

Нивхский фольклор, представляющий собой огромную культурную и научную ценность, исследован недостаточно. У истоков его изучения стояли такие российские учёные, как Л.Я. Штернберг и Е.А. Крейнович. Ученицей последнего была Г.А. Отаина. Будучи носителем этнической культуры, свободно владея родным языком, она сумела взглянуть на, казалось бы, уже известный материал с новой, не совсем обычной стороны. Устное народное творчество своего народа она стала рассматривать не только как источник для собственно лингвистических изысканий, но и как фактор культурной адаптации этносов к изменившейся среде обитания, как самостоятельную сферу духовной жизни малочисленных народов.

В этой связи безусловный интерес представляет часть её научного наследия, которая связана с исследованием двух основных разновидностей повествовательного фольклора нивхов — *тылгур* и *нызит*. По убеждению нивхов, в основе *тылгура* лежат реальные события, имевшие место в действительности. По своему содержанию они достаточно разнообразны: это и мифологические рассказы, и предания, и шаманские легенды. Исполнялись они по вечерам или ночью. Многие сюжеты *тылгуров* воспринимались нивхами как руководство к действию. Дети знакомились с ними в обязательном порядке в подростковом возрасте, поскольку речь в них идёт о воспитании качеств, необходимых человеку в традиционном обществе, о правилах поведения в домашнем быту, о наказании людей, нарушивших установленные запреты. В трудных житейских ситуациях старейшины неизменно обращались к *тылгурам*. «Перебирая» сюжеты, они находили в них аналогии и давали сородичам соответствующие рекомендации.

Нызит в отличие от *тылгура* — продукт поэтического откровения. Если *тылгур* передаётся из поколения в поколение в строго установленном каноническом виде, то *нызит* импровизируется, причём каждый раз по-новому даже одним и тем же рассказчиком. Не случайно поэтому *нызит* всегда поётся. Во многом его можно соотносить со сказкой, однако отношение нивхов к *нызит* существенно отличается от европейского. Они видят в нём не выдумку, а видение, внушённое духом-покровителем поэта-рассказчика. Центральной фигурой, главным действующим лицом в *нызит* всегда является человек. Характерная черта этих безымянных героев — одиночество, но именно их — одиноких и беспомощных «...сочувственная фантазия поэта-рассказчика одаряет избранничеством, сверхъестественной силой, ловкостью, хитростью, помощью духов — словом, всем тем, что им необходимо в их неравной борьбе, превращая слабых во всемогущих»*.

Научное наследие Г.А. Отаиной позволяет по-новому взглянуть и на другие проблемы современной фольклористики. Галина Александровна Отаина была крупным специалистом в области языка, фольклора

---

* Нивхские мифы и сказки из архива Г.А. Отаиной /отв. ред. А.М. Певнов. М.: Энерджи Пресс, 2010. 160 с.

и культуры не только нивхов, но и других народов Дальнего Востока. Она оставила большое творческое наследие. В списке её трудов более 70 наименований, в том числе учебники*, учебно-методические пособия, по которым до сих пор учат родной язык в нивхских школах. За советами и консультациями к ней обращались учителя, художники, работники музеев, зарубежные специалисты, многочисленные коллеги, все, кто хотел лучше понять историю и культуру небольшого народа.

Надежда Константиновна Старкова (1932—2007) кандидат исторических наук, первый профессиональный учёный среди ительменов, специалист в области материальной и духовной культуры коренных народов Дальнего Востока. Родилась в с. Сопочном на Камчатке. В 1950 г.

Н.К. Старкова

после окончания Тигильской средней школы поступила в Ленинградский государственный университет на факультет народов Севера. Завершив учёбу, работала преподавателем в Крутогоровской средней школе на Камчатке. В январе 1959 г. была принята на работу в Отдел истории Дальневосточного филиала СО АН СССР. Здесь в полной мере проявился талант Н.К. Старковой как вдумчивого и целеустремлённого исследователя. Главным делом её жизни с этого времени стало изучение истории и культуры ительменов.

К началу 60-х гг., когда Н.К. Старкова начинала свои исследования, об ительменах в научной печати не писали уже несколько десятков лет. Многим казалось, что изучать

у них уже нечего, все видимые признаки ительменской культуры исчезли — слишком далеко зашли ассимилятивные процессы, практически утрачен был ительменский язык, кроме самой Старковой им владело всего несколько человек. Приходилось буквально по крупицам восстанавливать отдельные элементы культуры. И сегодня можно смело утверждать, что после С.П. Крашенинникова и Г.В. Стеллера никто не сделал для про-

* Отаина Г.А., Санги В.М. Нивгыгун буквар=Букварь для 1 класса нивхских школ: (сахалин. диалект). Л.: Просвещение, 1988. 144 с.; Их же. Нивхский язык: Учебник и книга для чтения во 2 классе: (сахалинский диалект). Л.: Просвещение, 1989. 176 с.; Отаина Г.А., Пухта М.Н. Учебник и книга для чтения во 2 классе (амур. диалект). Л.: Просвещение, 1991. 160 с.; Отаина Г.А., Санги В.М. Букварь для 1 класса нивхских школ (сахалин. диалект). СПб.: Просвещение, 1993, 128 с.; Их же. Нивхский язык: Учебник для 2 класса (сахалин. диалект). СПб.: Просвещение, 1994. 128 с.

паганды культуры ительменов больше, чем Н.К. Старкова. В 1976 г. в издательстве «Наука» вышла из печати её монография, посвящённая материальной культуре ительменов*, которой суждено было сыграть важную роль в жизни этого небольшого народа. Такое случается. Известно, например, какую роль сыграла в этнополитической мобилизации чеченцев в конце 80-х — начале 90-х гг. повесть В. Приставкина «Ночевала тучка золотая» и поставленный по её мотивам художественный фильм**. Не менее важное воздействие на общественное сознание юкагиров оказал роман юкагирского писателя Улуро Ада (С.Н. Курилов) «Ханида и Халерха». В этом ряду суждено было сыграть свою роль и монографии Н.К. Старковой. В известном смысле она положила начало этнокультурному возрождению ительменов.

По примеру своей землячки большой интерес к истории и культуре своего народа начинают проявлять многие представители ительменской интеллигенции. К.Н. Халоймова издала сборник ительменских загадок и стихотворений, по её инициативе в школе и детском саду на общественных началах началось изучение ительменского языка. Директор Ковранского дома культуры Т.Е. Гуторова написала поэму «Эльвель», по которой поставлен балетный спектакль. На основе записей песенно-танцевального фольклора была создана сценическая реконструкция осеннего праздника ительменов «Алхалалай». Один из авторов постановки Б.А. Жирков элементы обрядовых, бытовых танцев и песен для спектакля записывал у стариков. Сценическая постановка Алхалалай была воспринята в Ковране с большим энтузиазмом, а вскоре стала полноценным праздником, который проводится ежегодно в сентябре. Возрождение традиционного праздника Алхалалай дало мощный импульс другим формам культурно-просветительской работы. А всё началось с обычной монографии.

Научные интересы Н.К. Старковой были тесно связаны не только с изучением истории и культуры ительменов. Она принимала активное участие в коллективных исследованиях сектора этнографии по топонимике Дальнего Востока, в подготовке «Истории Дальнего Востока СССР», историко-этнографической серии «История и культура народов Дальнего Востока». Старкова одна из авторов двух коллективных монографий этой серии — «Народы Дальнего Востока СССР в XVII—XX веках» (М.: Наука, 1985) и «История и культура ительменов» (Л.: Наука, 1990). Под её редакцией увидели свет несколько коллективных сборников сектора этнографии и филологии***. Совместно с А.П. Володиным ею был подготовлен

* Старкова Н.К. Ительмены. Материальная культура (XVIII в. — 60-е гг. XX в.): этнографические очерки. М.: Наука, 1976, 168 с.

** По рассказам самого В. Приставкина, Джохар Дудаев (в это время он служил в Советской Армии в Эстонии), узнав о фильме, заказал для себя кинозал, смотрел фильм несколько раз подряд и все время плакал. Не в этом ли тартуском кинозале и берут свое начало трагические события 90-х гг. в Чечне?

*** Этнография и фольклор народов Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1981. 156 с.; Традиции и современность в культуре народов Дальнего Востока. Владивосток, 1983. 160 с.; Культура народов Дальнего Востока: традиции и современность. Владивосток, 1984. 208 с.

уникальный академический словарь ительменского языка с приложением сказок, легенд и бытовых текстов на ительменском и русском языках.

Евдокия Александровна Гаер, нанайка, кандидат исторических наук, этнограф, исследователь традиционной бытовой обрядности нанайцев, известный общественный деятель современной России. Е.А. Гаер пришла в институт, имея за плечами богатый жизненный опыт. После окончания

Евдокия Александровна Гаер

в 1962 г. Хабаровского пединститута она работала учителем, завучем, заместителем директора в школах Дальнего Востока, обучалась в аспирантуре при Дальневосточном филиале АН СССР.

Е.А. Гаер — признанный специалист в области традиционной бытовой обрядности нанайцев. За годы экспедиционных исследований в районах проживания коренных народов Приамурья ею собран и опубликован богатый материал по традиционной народной культуре и современной духовной жизни нанайцев*. Она одна из авторов учебника нанайского языка. Дальневосточники хорошо знают Евдокию Александровну как активного защитника интересов коренного населения Дальнего Востока.

С 1989 г. Е.А. Гаер — народный депутат, член Верховного Совета СССР, председатель подкомиссии Совета национальностей Верховного Совета СССР по национальной политике и межнациональным отношениям. В этом качестве она много сделала для демократизации общественного сознания, государственных институтов современной России, становления народовластия.

В 1993 г. она была избрана депутатом Совета Федерации Федерального собрания РФ. В период работы в Совете Федерации Е.А. Гаер участвовала в принятии ряда законов, обеспечивающих защиту коренных малочисленных народов. В настоящее время Е.А. Гаер активно работает в созданной ею Межрегиональной лиге малочисленных народов и этнических групп, является членом рабочей группы ООН по правам человека.

В.А. ТУРАЕВ, кандидат исторических наук

* Гаер Е.А. Древняя бытовая обрядность нанайцев. Хабаровск, 1991. 142 с; Её же. Традиционная бытовая обрядность нанайцев в конце XIX — начале XX в. М.: Мысль, 1991. 128 с.